

Творцы и мыслители

М.П. Авотина

Ирен, дочь Мари

У ПОРОГА. ВСЕ В БУДУЩЕМ

*Не может человечество процветать
без Знания и величия Культуры.
Вдыхая воздух, мы приобщаемся ко всем мирам.
Мудрый идет от Земли кверху.*
Е.И. Рерих

До начала бурного XX века, названного сначала атомным, а потом и ядерным, оставалось всего три года. Шел 1897 год. Два крупных ученых – 29-летняя полька Мари Склодовская-Кюри и 37-летний француз Пьер Кюри, работая в нечеловечески трудных условиях, вплотную подошли к открытию радиоактивности, к открытию нового вида энергии. Два безмерно любящих друг друга человека, создавшие 26 июля 1895 года свою семью, в которой все определялось поражающей окружающих чистотой и гармонией чувств, взаимным уважением и высочайшей духовностью, ждали появления на свет своего первенца.

12 сентября 1897 года в семье Марии и Пьера Кюри родилась Ирен, в будущем

- крупнейший ученый XX века, обладательница третьей в семье Кюри Нобелевской премии;
- член Всемирного Совета Мира;
- член Академии наук множества стран;
- переводчица стихов Р. Киплинга;
- прекрасная мать;
- член французского правительства;

и в том же будущем

- не избранная в Парижскую Академию наук (Женщина-академик? Это недопустимо!);
- отстраненная от работы в правительстве за активную борьбу против создания и применения атомного оружия (Мешать мракобесам в правительстве? Это недопустимо!);
- и ценой всей своей самоотверженной жизни доказавшая человечеству безграничные возможности использования на благо людей нового вида энергии.

Вторая часть дилогии «Идущие впереди». Первая часть – «Духовный путь Марии Склодовской-Кюри» – была опубликована в журнале «Мир Огненный» в №№ 16, 18 (1998), и в журнале «Новая эпоха», № 21 (1999). Список литературы, использованной автором, см. в конце статьи.

Ирен Жолио-Кюри в лаборатории

НАЧАЛО ПУТИ. УЧИТЕЛЮ

Разве можно достичь понимания Космоса без устремления проникновения в высшие сферы? Ведь только преемственность дает основание всем устремлениям. Все сущее движется законом преемственности. Потому каждое обособление может дать лишь утрату назначенного.

Так мысль зарождается как носительница преемственности, так закон высшей воли творит беспредельно.

Иерархия, 61

Отец Пьера, доктор Эжен Кюри, присутствовал при родах, которые Мари Кюри перенесла стиснув зубы, но не вскрикнув. К сожалению, уже 10 ноября Мари с огорчением признается в письме своему отцу, учителю Склодовскому: «...за последнее время у нас возникли опасения, что я не в состоянии кормить». Врачи

говорят о туберкулезном очаге в левом легком Мари; пришлось нанять кормилицу, оставив за собой право менять пеленки, купать малышку, одевать ее. Плач Ирен, у которой прорезываются зубки, или простуда, или другая какая-нибудь детская напасть нарушают домашний покой и вынуждают обоих физиков проводить бессонные ночи. Помощь молодой чете приходит в лице отца Пьера, доктора Эжена Кюри, овдовевшего через несколько дней после рождения Ирен и поселившегося у молодых.

Через семь месяцев после рождения ребенка, 12 апреля 1898 года в «Докладах Парижской Академии наук» появляется сообщение: «Мари Склодовская-Кюри заявляет о том, что в минералах с окислом урана, вероятно, содержится новый химический элемент, обладающий высокой радиоактивностью, элемент, гораздо более активный, чем уран...» Этот элемент был назван полонием в честь родины Мари. В декабре этого же года супруги открывают еще один новый элемент и называют его радием.

Так начался атомный век.

Растет ребенок. Возникла и успешно развивается новая наука.

Какие счастливые часы наступают для Ирен, когда родители возвращаются вечером домой! После ужина мама купает ее, укладывает спать. Если мамы нет рядом, Ирен требовательно зовет: «Ма!», и, уступая маленькому четырехлетнему деспоту, Мари усаживается у изголовья дочки и сидит в темноте, пока детский голосок не перейдет в ровное дыхание. Только после этого Мари может присоединиться к мужу и вернуться к их второму детищу — радю.

Пьер тоже много времени уделял подростковой девочке, которая проявляла необычную для своего возраста любознательность. Он вел с ней серьезные разговоры, отвечал на все ее вопросы и радовался быстрому развитию ее ума.

В ноябре 1903 года Королевское общество в Лондоне известило письмом «мсье и мадам Кюри» о том, что оно присудило им одну из высших наград своей страны — медаль Деви.

Мари нездорова, поэтому на церемонию вручения медали отправляется один Пьер. Он привозит из Англии тяжелую золотую медаль, где выгравированы их имена. Ищет место, куда бы ее положить, неуклюже вер-

тит медаль в руках, роняет, теряет и опять находит... Наконец, по внезапному наитию, отдает ее Ирен, еще не переживавшей за свои шесть лет такого праздника.

В том же месяце, 10 декабря 1903 года, Стокгольмская Академия наук присуждает родителям девочки и Анри Беккерелю Нобелевскую премию по физике за открытия в области радиоактивности. Это — высшая награда, которой могут быть удостоены ученые Европы, Азии, Америки.

А за четыре дня до этого торжественного события у Ирен появляется сестренка Ева. С этого времени девочки живут, согреваемые лучами доброты своих заботливых умных родителей. У Ирен остались прекрасные воспоминания о семейных прогулках по лесу и морскому побережью, долгих серьезных разговорах. С детства она слышала волшебные слова «лаборатория», «радий», «эманация». Ирен была очень наблюдательным ребенком и не могла не заметить, что «па» и «ма» окружены всеобщим уважением и восхищением. Она видела, как светится радий в темноте их лаборатории.

Но вскоре в семью вошло большое горе — 19 апреля 1906 года в дорожной катастрофе погиб полный творческих сил Пьер Кюри — горячо любимый «па».

Вдова, 70-летний старик, девятилетняя Ирен и малышка Ева — вот теперешний состав семьи Кюри. Мари продолжает воспитывать детей, зарабатывать на жизнь и с блеском носить звание профессора. Первая ее забота — создать нормальные условия жизни для дочерей и свекра. Остаться в старом доме, где все напоминало о Пьере, Мари не могла. Она снимает дом в Со. Дом неказистый, но его красит уютный сад. Доктор Кюри занимает в доме отдельное крыло. Ирен, к своей радости, получает во владение клочок земли, на котором она может сажать что ей угодно.

В новом доме Ирен почти не видела «ма», которую в горе поддерживала только работа, и, если бы не любимый дедушка, Ирен чувствовала бы себя совсем потерянной. Но ей посчастливилось найти в докторе Эжене Кюри верного друга. Переживший сына на четыре года, он становится гораздо в большей степени, чем мать, наставником и незаменимым другом для Ирен, медлительного и замкнутого ребенка, так похожего на его погибшего сына. Эжен Кю-

Мари и Пьер Кюри — родители Ирен

ри не только преподает ей начальные сведения по естественной истории, ботанике, передает свое восхищение Виктором Гюго, пишет летом письма, разумные, поучительные и забавные, в которых отражается его насмешливое остроумие и изящный стиль, но и определенным образом направляет ее умственное развитие. Будущая духовная уравновешенность Ирен, ее отвращение к унынию, ее непререкаемая любовь к реальному, даже ее политические симпатии пришли прямым путем от деда по отцу. Девочка любит бывать в музее естественной истории, читать. Особенно она любит ходить в лекционный зал и лабораторию, где преподает «ма».

И опять в семье горе: 25 февраля 1910 года не стало Эжена Кюри, старенького, хорошего «де». Теперь воспитание Ирен и Евы полностью ложится на плечи Мари.

Мари Кюри с дочерьми Ирен и Евой, 1905 г.

Каждый день начинается часом умственной и физической работы, которую Мари старается сделать привлекательной, внимательно следя при этом, чтобы ничто не мешало развиваться пробуждающимся в девочках способностям. Как только кончаются занятия, дети идут гулять. В саду Мари вешает трапецию, кольца и канат для лазания. Она заботится, чтобы дочери привыкали к ходьбе, плаванию, велосипеду, верховой езде.

Как и Пьер, Мари была глубоко убеждена в важности научной культуры. Вместе с друзьями и коллегами, крупнейшими учеными, она основала знаменитый «кооператив», где математике детей учил Поль Ланжевен, физике — Мари Кюри, химии — Жан Перрэн, а естествознанию — Анри Мутон. Детей учили мыслить самые умные люди. Не удивительно, что Ирен получила блестящее образование.

После двух лет пребывания в «кооперативе» пришло время заняться непосредст-

венной подготовкой к экзаменам на аттестат зрелости, и Мари Кюри послала Ирен в колледж в Севинье.

БОРЬБА

...Великое никогда не входило в мир при фанфахах и ликованиях, но всегда в трудах, страданиях и при осмеянии невежеством. ...Героизм духа закаляется не на идеальных картинках розового благополучия, но при суровом знании неприкрашенной действительности, на мужестве осознания подвига жизни во имя истинного назначения человека — создателя миров.

Е.И. Рерих

Оглянемся назад и вспомним, как пришло к родителям Ирен, уже известным крупным ученым, официальное признание их научных заслуг. Летом 1902 года прогрессивные ученые Франции настояли, чтобы Пьер выдвинул свою кандидатуру в Парижскую Академию наук. Результаты выборов показали, что Пьеру не хватило трех голосов для избрания. Причина простая: Пьер — невежда в области интриг. Как писал Монтень, «при больших заслугах, но при большой скромности можно долго пребывать в неизвестности». (А всего через полгода, мы помним, супруги получили и медаль Деви, и Нобелевскую премию!)

История повторилась, когда 23 января 1911 года на заседании Парижской Академии наук Мари не хватило одного голоса, чтобы стать академиком. Причина провала не скрывалась: «Женщины не могут быть членами Академии». А меньше чем через год, в декабре 1911 года, за блестящие работы, выполненные после смерти Пьера, Мари Кюри вторично присуждается Нобелевская премия, но уже по химии! На долю молоденькой Ирен выпало счастье присутствовать на торжественном заседании в Стокгольме, где ее матери вручали высшую награду.

XX век вступил в свои права. Множество прекрасных открытий начала столетия, сделанных в разных областях науки, изменили жизнь человечества. Может быть, хотя бы теперь люди начнут понимать, что

Наука и Культура гораздо важнее и полезнее для всех землян, чем агрессивное невежество? Может быть, хотя бы у Ирен путь в науку будет не таким тернистым, как путь ее родителей?

Ирен, как в свое время Пьер и Мария, чувствует властный зов Лаборатории. Ей не терпится войти с матерью в новые здания Института радия. В 1914 – 1920 годах она продолжает учебу (с вынужденными перерывами из-за войны) на факультете естественных наук в Парижском университете.

Наступил 1914 год, когда без объявления войны немцы вторглись во Францию. Мари находилась в Париже, а Ирен и Ева – в Бретани, куда они уехали перед войной на летние каникулы.

Из писем Мари:

1 августа 1914 года: «Дорогие Ирен и Ева, дела, кажется, принимают дурной оборот: с минуты на минуту ждем мобилизации. Не знаю, смогу ли я уехать. Не тревожьтесь, будьте спокойны и мужественны. Я останусь здесь и перевезу вас сюда, как только представится возможность. Мы с тобой, Ирен, постараемся быть полезными».

28 августа 1914 года. Старшей дочери: «Начинают поговаривать о возможности окружения Парижа. Тогда мы будем отрезаны друг от друга. Если это произойдет, перенеси случившееся храбро, потому что наши личные желания ничто в сравнении с той великой борьбой, которая сейчас ведется. Ты должна чувствовать себя ответственной за младшую сестру и следить за нею, если нам суждено жить врозь дольше, чем я предполагала». Эти слова произвели большое впечатление на Ирен, серьезную семнадцатилетнюю девушку. Она знает, что мать в любых обстоятельствах будет действовать так, как сочтет правильным, не заботясь о собственной жизни.

Париж спасен. Ирен и Ева вернулись домой. Однако война становится затяжной, кровопролитной, все чаще приходится оперировать раненых на месте. Для облегчения работы врачей и понижения смертности при «слепых» операциях Мари создает рентгенологическую службу, мотается с передвижной установкой по всем фронтам, добивается, чтобы после ее отъезда в госпиталях оставались смонтированные ею стационарные установки, сама обучает персонал работе с ними.

Дочери, Ирен и Ева, вяжут фуфайки для подшефных фронтовиков, при ночных воздушных налетах Мари не запрещает дочерям оставаться в постелях, вместо того чтобы уходить в погреб и там дрожать от страха. В 1916 году девушки вступают в бригаду бретонских жнецов, чтобы заменить мобилизованных мужчин, в 1918 году – остаются в Париже при обстреле города «бертой». Мари им не препятствует, она не стала бы любить слишком осторожных, слишком озабоченных собственной безопасностью дочерей.

Мари научила Ирен пользоваться рентгеновскими установками и в период между ноябрем 1914 и мартом 1915 года часто брала ее на фронт в качестве оператора. Мари посылает ее одну в госпитали и считает естественным, что Ирен выполняет непомерно ответственные для ее юного возраста поручения в действующих армиях в Фурне, Гугстедде, Амьене. Именно в госпиталях Северного фронта Ирен становится самой близкой помощницей и подругой матери на всю жизнь. Для Ирен, фактически еще подростка, на-

Ирен Кюри

Ева Кюри, младшая сестра Ирен

Мари Кюри в передвижной радиологической лаборатории во время первой мировой войны

грузка была трудна и морально, и физически. Насмотревшись на множество молодых людей, оставшихся калеками на всю жизнь, она тяжело переживает чужое горе и испытывает острую ненависть к войне. Как и весь медицинский персонал в те времена плохо защищенная от воздействия рентгеновских лучей, сама Ирен именно там, на фронте, получила первые опасные дозы радиации.

УСТРЕМЛЕННОСТЬ

Строители чудных храмов, твердынь не знали, будет ли им дано завершить их. Но все-таки твердо-уверенно полагали они их основание и возводили, пока хватало сил и возможностей. Иногда лишь в веках завершалось строение, но зачинатели новых основ не огорчались этим и не остывали в своем строительном рвении.

Н.К. Рерих

Столкнувшись во время войны с бесконечным морем человеческого страдания, Мари Кюри прилагает все усилия, чтобы обратить излучение радиоактивных веществ на службу медицине. В 1919 году мы снова видим ее во главе своей лаборатории.

Ирен, дочь Мари, студентка двадцати одного года, спокойная, удивительно уравновешенная, твердо намерена быть физиком, изучать радий. Она не задается вопросом, какое место займет в науке, и не чувствует бремени слишком известного имени. У нее только одно честолюбивое желание: работать всю жизнь в лаборатории, которая строилась на ее глазах и где в 1918 году она стала «прикомандированной лаборанткой». В Институте радия Ирен делает свои первые научные исследования, всем сердцем ощущая атмосферу трудолюбия и доверия, которую создала в лаборатории ее мать. Мари умела внушить любому сотруднику, в том числе и собственной дочери, что только сознательный, самоотверженный беспредельный труд может привести к результату, дающему высшую радость, радость Созидания. Само слово «лаборатория» было для Мари всегда священным. Лаборатория была для нее и надежной опорой в водоворотах жизни, и очень хрупким механизмом творчества и созидательной мысли. Такое отношение к научным исследованиям передалось и на всю жизнь сохранилось у Ирен. Сам факт, что мать и дочь проводили значительную часть своей жизни в одной лаборатории, еще больше сближал их.

А в каникулы Мари и обе ее дочери проводили время, словно три подруги, увлекаясь с одинаковой страстью самыми разными видами спорта – ходьбой, плаванием, ездой на велосипеде, верховой ездой, лыжами, коньками. Отдых в Ларкуесте, под небом Бретани, среди близких по духу «спортсменов» Сорбонны, блестящих ученых, неистощимых на выдумку в организации активного отдыха, цементирующих отноше-

Санитарная машина рентгенологической службы, организованной Мари Кюри

ния в коллективе своей высочайшей духовностью, оставил в душе Ирен чарующее впечатление.

Ирен Кюри увлекали новые научные горизонты. Новая химия начинала ставить опыты с самими ядрами атомов, а не только с поверхностными электронами. Ядерная наука пришла на смену атомной точно так же, как в свое время атомная наука пришла на смену молекулярной. Мари Кюри прежде всего требовала, чтобы ее дочь, как и все остальные сотрудники лаборатории, научилась работать с большой тщательностью. Ирен предстояло методично освоить технику лабораторной работы.

В конце апреля 1921 года Мари Кюри впервые за 54 года своей жизни соглашается на большую официальную поездку в США, куда ее вместе с дочерьми пригласили для торжественной передачи одного грамма радия, полученного с помощью средств, добровольно пожертвованных женщинами всей Америки. Только в Америке молодые девушки узнали, что их скромная, всегда старающаяся быть в тени мать — всемирно известный ученый. Каждая речь, каждая газетная статья подтверждали это. Мари Кюри получает звания, медали и почетное гражданство города Нью-Йорка. Бесконечные приемы были так утомительны, что ее шатало от усталости.

20 мая 1921 года в Вашингтоне президент Гардинг в торжественной обстановке вручает мадам Кюри один грамм радия. После официальных речей гости дефилируют перед мадам Кюри; она сидит в кресле и молча улыбается всем по очереди подходящим к ней. Вместо уставшей Мари им пожимают руки Ирен и Ева и, в зависимости от национальности, отвечают по-английски, по-польски, по-французски. Дочери несут службу телохранителей, поначалу они просто «члены свиты», но постепенно становятся тем, что на театральном языке называется «дублерши». В Буффало Ирен, одетая в университетское величественное одеяние, заменяя безмерно уставшую, ослабевшую пожилую мать, принимает почетную степень доктора. Ораторы, серьезно обращаясь к шестнадцатилетней Еве, произносят речи, заготовленные для мадам Кюри, говорят о ее «превосходных работах», о ее «долгой трудовой жизни» и ждут от нее подобающего ответа!

17 июня угрожающее падение кровяного давления вынуждает мадам Кюри прервать

Ирен Кюри — оператор передвижной радиологической лаборатории, 1914 г.

поездку, и семья отплывает из Америки во Францию.

В 1925 году Ирен защитила докторскую диссертацию на тему «Исследование альфа-излучения полония». К этому времени она стала весьма опытным экспериментатором. Как и ее родители, Ирен любила создавать новую аппаратуру. Она призналась журналистам, что больше всего удовольствия ей доставили не те опыты, которые принесли успех, а те, которые она ставила для себя самой.

В свои двадцать пять лет Ирен обещает стать выдающимся ученым. Ее сильная личность находит проявление в самых разнообразных областях.

Ирен всегда была верна своим убеждениям. Обычно она говорила мало, но если приходилось отстаивать свою позицию, не боялась дополнительных разъяснений, стре-

Мари и Ирен Кюри в лаборатории

мь, чтобы ее поняли возможно точнее. Она защищала свои убеждения, формулируя их с полной откровенностью. Страсть к откровенности и ясности была одной из отличительных черт ее ума и характера. Она презирала общеизвестные формулировки, обычно употреблявшиеся в повседневных разговорах и спорах для смягчения резкости суждений. И совершенно не терпела информации, почерпнутой из недоброкачественных источников.

Социальный прогресс она характеризовала как «вечную борьбу, которую должны вести передовые люди против реакционеров»,

причем эту борьбу надо вести наиболее действенным образом. В этой борьбе женщинам принадлежит особая роль, потому что, часто ведя педагогическую работу, они вынуждены уметь заставить слушать себя. Ирен говорила, что предоставление женщинам права свободно работать в любых областях соответствует интересам человечества.

С радостью видела Мари, как Ирен постепенно вырастает в человека, весьма близкого по характеру к отцу, Пьеру Кюри. Ирен сохранила республиканские и атеистические убеждения, воспитанные в ней бабушкой. Она готова бороться — и за права женщин, и за сохранение мира во всем мире.

Никто из ее друзей не мог предвидеть, что и в личной жизни она станет, подобно своей матери, женой человека высоких качеств, так же, как и она, влюбленного не только в науку, но и в спорт, в идеи гуманизма и красоту. Но случилось именно так, и после четы Кюри — Склодовская мир стал восхищаться четой Жолио — Кюри.

В 1925 году Мари Кюри по рекомендации Поля Ланжевена взяла в качестве личного лаборанта одного из самых блестящих учеников Школы физики и химии — двадцатипятилетнего Фредерика Жолио.

К этому времени Ирен была уже зрелым научным работником, опубликовавшим ряд сообщений, и мать неоднократно поручала ей руководить работой молодого лаборанта. Это явилось для молодых людей прекрасной возможностью узнать и оценить друг друга. «Все началось с наблюдений, — вспоминал Фредерик. — Внешняя холодность, когда она забывала поздороваться, не способствовала развитию симпатий к ней среди персонала лаборатории. В то время как другие видели в ней своеобразный «неотесанный камень», я, наблюдая за ней, обнаружил, что на самом деле это весьма живая и поэтич-

ная натура. По характеру она во многом была воплощением отца. Я много читал о Пьере Кюри, слышал рассказы профессоров, которые были знакомы с ним, и я встретил в его дочери ту же чистоту, то же спокойствие, тот же здравый смысл...» В 1926 году Ирен объявила родным о своей помолвке с Фредериком Жолио.

Научное сотрудничество молодых физиков стало одним из самых счастливых, они прекрасно дополняли друг друга, и, начиная с 1928 года, их имена так часто соединяются вместе во многих сообщениях и отчетах Академии наук, что их перестали различать, и Фредерик Жолио стал для всего мира Жолио-Кюри.

ПОЛЕТ ВДОХНОВЕННОЙ МЫСЛИ

Когда вдруг осознал человек, что может управлять любой привычкой своей и склонностью каждой, что в его микрокосме распоряжается его воля, тогда близко победа. Владыкою огненной мощи осознает себя победитель. ...Видимый и невидимый миры доступны наблюдению и изучению.

...Возрастает огненная мощь человека, стихии начинают повиноваться ему, и устанавливается власть над материей, пределов могущества которой не существует... Ведет человека мысль творящая.

Б.Н. Абрамов

Двадцатый век достиг поры зрелости. Супруги Жолио-Кюри, почти ровесники века, легко подчиняют свои привычки и желания главной цели — проникновению в один из невидимых миров — мир ядра. Солидный запас знаний, накопленный молодыми людьми, вызвал к жизни интуицию, а духовная гармония этой семейной и научной пары увеличила их способности стократ. Отныне их совместная мысль начала могучий полет в Неведомое. Величайшие открытия века следовали непрерывной чередой.

Получив в распоряжение самые лучшие «снаряды» (высокоактивный полоний с плотностью 200 милликюри на площади 20 квадратных миллиметров), какие только можно было иметь в то время, Жолио-Кюри

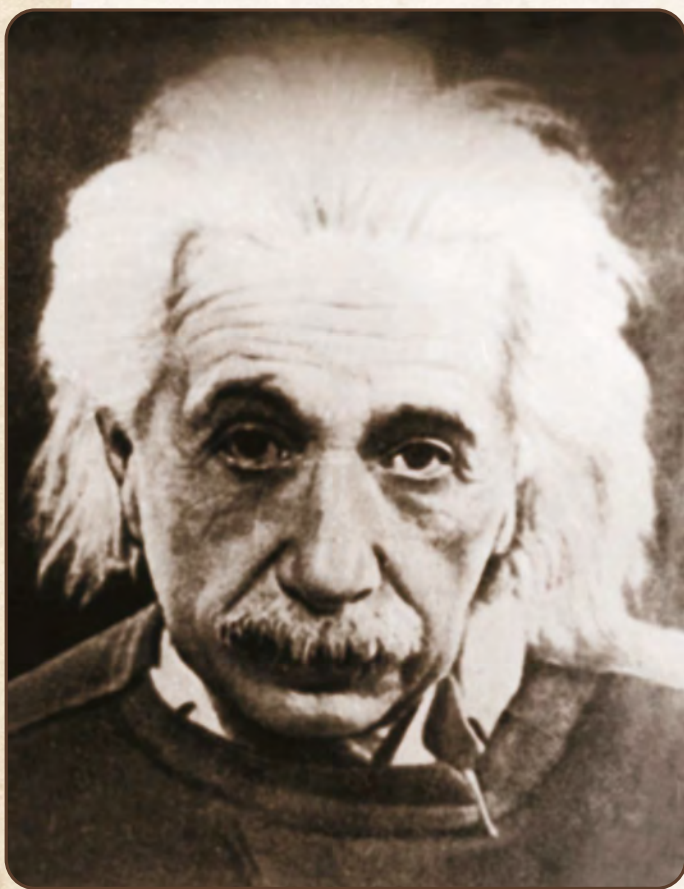

Конрад Рентген, открывший Икс-лучи, названные впоследствии его именем

решили попытаться расщепить ядра различных атомов, подобно тому, как разбивают копилку, чтобы ознакомиться с ее содержимым. Очень быстро они внесли значительный вклад в одно из капитальных открытий современной физики — открытие нейтрона.

Фредерик писал: «Слово “нейтрон” уже было произнесено гениальным Резерфордом в 1923 году во время одной из лекций, однако большинство физиков, в том числе и мы, не обратили на это внимания. Но гипотеза предположительно существующей нейтральной частицы все еще блуждала по зданиям Лаборатории Кавендиша, где работал Чедвик, и вполне естественно и справедливо, что последняя точка в открытии нейтрона была поставлена именно здесь. Идеи, высказанные когда-то нашими учителями, — как живущими, так и уже ушедшими от нас, — много раз вспоминаются и снова забываются в их лабораториях, сознатель-

Друг Мари и Ирен Кюри Альберт Эйнштейн

но или подсознательно проникая в мысли тех, кто постоянно там присутствует. Постепенно эти идеи созревают: тогда совершается открытие».

Впоследствии нейтроны, как и альфа-частицы, будут использовать в качестве «снарядов» для расщепления и исследования атомных ядер, потому что они, будучи лишены электрического заряда, не испытывают противодействия сил отталкивания при проникновении внутрь атомных ядер.

В 1933 году Жолио-Кюри открыли явление образования пар электрон-позитрон.

Большое внимание Ирен уделяла химии. Работая совместно с Фредериком, она внесла огромный вклад в незабываемые опыты, которые привели в 1934 году к открытию искусственной радиоактивности. Это открытие принесло молодым ученым мировую известность. В 1935 году им была присуждена Нобелевская премия — третья в прекрасном семействе Кюри.

Ирен Жолио-Кюри дважды выдвигала свою кандидатуру в Академию наук Фран-

ции. Как и Мари, она была членом многих иностранных Академий наук, но Парижская Академия оказалась не готовой допустить женщину в свое святилище.

И вот — Нобелевская премия. К Мари Кюри перед смертью пришло большое счастье осознать, что великое дело, начатое ею и Пьером, попало в надежные руки. С легкостью гения она увидела главное — перспективы использования искусственной радиоактивности на благо человека безграничны. Применение в медицине радиоактивных изотопов тех веществ, которые обычно входят в состав организма человека и животных, причинит живым организмам меньше вреда, чем сам радий. Появилась возможность следить за продвижением веществ в организме.

В 1936 году Ирен дала согласие быть первым штатным помощником статс-секретаря по научно-исследовательским делам во французском правительстве. Впервые в истории Франции женщина назначалась на столь высокий пост. Ирен, безмерно привязанная к своей лаборатории, приносила великую жертву, однако она согласилась занять этот пост в надежде, что это поможет ей добиться улучшения положения научных работников и получить необходимые ассигнования для лаборатории.

В 1937 году она стала профессором факультета естественных наук в Парижском университете. В 1938 году в сотрудничестве с П. Савичем Ирен обнаружила, что при облучении урана нейтронами появляется новый радиоактивный элемент, по своим химическим свойствам очень похожий на лантан. Это были первые сведения о делении ядер. В декабре того же 1938 года это открытие независимо сделала австрийская ученоя Лиза (Элиза) Майтнер. Экспериментальное доказательство деления ядер было проведено Ганом и Штрассманом в 1939 году. Вскоре после этого Фредерик Жолио, Халбан и Коварски доказали, что распад урана под воздействием нейтронов высвобождает новые нейтроны. Эти нейтроны, в свою очередь, могут расщепить другие ядра урана и снова высвободить нейтроны, и т.д. Так была открыта принципиальная возможность цепной реакции.

Таким образом, Ирен, способствовавшая открытию ядерного расщепления, и Фредерик, доказавший возможность цепной реак-

ции, по-прежнему в авангарде ученых, которые впоследствии добились получения существенных количеств энергии нового типа — ядерной энергии.

Супруги Жолио-Кюри часто сравнивали открытие нового вида энергии с открытием Огня — так высоко оценивали они его значение. Как Пьер и Мари, они мечтали об использовании этой энергии на благо человечества, — для борьбы с голодом и болезнями, для того, чтобы дать всем возможность учиться, обеспечить досуг, чтобы дать человеку возможность мыслить, восхищаться и творить.

В 1938 году в интервью, записанном на французском радио, Ирен поделилась мыслями о цели научных исследований:

«Целью научно-исследовательской работы является увеличение суммы знаний человечества. <...>

Мне кажется, что главной чертой, определяющей характер такой работы, является стремление удовлетворить бескорыстную любознательность. Парадоксальное обстоятельство: именно такого рода работы, как правило, приводят к самым сенсационным практическим результатам. <...>

Но кто же способен заняться научно-исследовательской работой в чистом виде? Какими качествами должен обладать этот человек, чтобы добиться успеха?

Во всякой профессии любовь к ней является одним из условий успеха. С этой точки зрения наука имеет что-то общее с искусством: без любви к поиску одни только знания и умственные способности не могут сделать человека ученым, точно так же, как терпеливая учеба в соединении с природными способностями не может сделать художником того, кто не любит искусства. Бескорыстная любознательность, во всяком случае в определенной области знаний, потребность познать больше, нежели это требуется для повседневных классовых занятий или экзаменов, так же необходимы, как умственное развитие и память, ибо без этого нельзя получить нужного минимума знаний.

Безусловно, молодежь должна иметь весьма широкие познания.

Научно-исследовательская работа требует еще одного качества, которое довольно трудно выявить во время учебы — чувства инициативы. Несмотря на то, что людям, занимающимся научной работой, абсолютно

несвойственно стремление к материальной выгоде, научно-исследовательскую работу можно сравнить с небольшим предприятием, которым надо повседневно руководить, а это постоянно заставляет принимать ответственные решения. <...>

Гениальные люди, мне кажется, встречаются очень редко, и главное, что отличает студентов, способных ассимилировать преподанные им в институтах знания, от неспособных к этому, — умение доводить до конца начатое дело. К несчастью, экзамены не дают никакого представления о наличии у студентов чувства инициативы. <...>

Наблюдательный ум, хорошее воображение, способность делать выводы играют большую роль в научно-исследовательской работе. <...>

Какое удовлетворение получают от научно-исследовательской работы те, кто отдается ей всей душой? Те, кто, занимая скромное положение, считают своей привилегией безграничное расходование собственных сил на благо науки? <...>

Мы сталкиваемся со странными, необычными явлениями, иногда интересными только для нескольких узких специалистов, иногда настолько поражающими, что их можно широко популяризировать. Начатая работа развивается в неожиданных направлениях и открывает новые дороги для будущих исследований. И здесь мы находим удовлетворение. <...>

Еще одна привлекательная сторона науки — это радость, быть может, несколько детская, которую испытываешь при наблюдении природных явлений, даже если они хорошо изучены. <...>

Удовлетворение от сделанного открытия, даже если оно крайне незначительно, удовольствие от преодоления трудностей, удовольствие от сознания, что ты увеличил объем человеческих познаний — вот движущие силы научно-исследовательской работы. Одновременно это та сфера человеческой деятельности, в которой остро чувствуется неприменная потребность сотрудничества ученых всех стран. Каждое открытие, сделанное в одной стране, сразу же получает дальнейшее развитие в других странах, так что почти все великие научные подвиги являются результатом международного сотрудничества».

ДОЛГ ДОЧЕРИ. ДОЛГ МАТЕРИ

Именно женщина есть душа человека, душа народа.

Какова женщина – душа народа, таков народ.

А.И. Клизовский

Раздать мудро не так просто, как это кажется. Будем учиться мудрости духовной отдачи.

Б.Н. Абрамов

Памятник Мари Склодовской-Кюри перед зданием Института радия в Варшаве

После смерти Мари роль лидеров во французской физике легла на плечи второго поколения династии Кюри – Ирен и Фредерика. Как в свое время Мари подготовила труды Пьера и написала его биографию, так и Ирен прежде всего взялась за приведение в порядок рабочих дневников своих родителей. Но этого Ирен показалось мало. Вместе с мужем они сделали редакторскую правку капитального труда Мари «Радиоактивность», которому та отдала много лет жизни. Обе дочери написали биографию Мари. Ева, как профессиональный писатель, главный упор сделала на чисто человеческие качества своей матери, а Ирен написала научную биографию.

Но не только о великом ученом идет в ней речь. В воспоминаниях Ирен приводятся выдержки из добрых, мудрых писем Мари:

Сентябрь 1919 года, дочерям: «Я думаю о каждой из вас и о том, сколько вы мне даёте ласки, радости и тревог. Вы для меня поистине большое богатство».

29 декабря 1929 года, Ирен и Фредерику: «Хочу, чтобы вы каждый день ощущали радость жизни <...> Умение радоваться настоящему – это драгоценный дар, который можно сравнить с Божьей благодатью».

Чувство ответственного материнства в полной мере передалось от Мари к Ирен. Она была настоящей хранительницей очага. Нобелевская премия позволила осуществить мечту, которую Ирен давно лелеяла: покинуть Париж и обосноваться в пригороде, в домике с садом, где будет много растений, цветов, воздуха. Ирен унаследовала материнскую мечту о доме точно так же, как унаследовала ее научную работу.

Друзья ценили очарование и уют дома в Со: оживленная беседа, музицирование с Фредом, теннис, прогулки по окрестностям или чтение стихов Р. Киплинга, опубликованных во Франции в переводе Ирен. Каждый чувствует себя свободно и ищет общества других только тогда, когда этого хочется ему самому.

Дети присутствуют здесь же, и Ирен присматривает на них, хотя непосвященному гостю может показаться, что ей безразлично, как они себя ведут. Свои наблюдения она использует для воспитания Пьера и Элен потом, когда гости разойдутся, чтобы не травмировать детей замечаниями при посторонних. Ирен была любящей и нежной матерью. Крупный физик, безгранично влюбленная в исследовательскую работу, в

опыты над веществами и явлениями, она ставила опыт материнства превыше всего. Однажды, когда Жолио в лаборатории крикнул ей: «Вот самый прекрасный опыт в мире!», Ирен ответила: «Я была бы согласна с тобой, дорогой, если бы не существовало материнства». Действительно, рождение и воспитание детей дало ей огромное счастье.

БИТВА ЗА БУДУЩЕЕ ЗЕМЛИ

Может ли проявиться лучшее, когда проявляется наихудшее? Может, может, может. Все наихудшее должно выявиться для изживания и уничтожения, чтобы избежать отравления всего организма... Обреченность зла и сил темных вызывает безумие их. Безумие бешенства толкает на крайние меры и мешает учитывать следствия совершаемых преступлений... В этом просчет их и конечная гибель... Много мужества надо, чтобы найти силы стать на стороне строителей Нового Мира.

Б.Н. Абрамов

Стяжелой болезнью столкнулся XX век. Уже начали гаснуть огни человеческой мысли под страшным сапогом гитлеровских наемников Тьмы.

Писатель Илья Эренбург предвидит будущее:

«Человечество то с восхищением, то с тревогой следит за их (Жолио-Кюри. — М.А.) открытиями. Расщепление атомного ядра может либо коренным образом изменить к лучшему жизнь на земле, либо ее уничтожить. Освобождение гигантских сил открывает путь к иным планетам, оно способно озеленить пустыни, осчастливить пасынков природы, и то же открытие, использованное для разрушения, может вернуть человечество к пещерному веку».

До уничтожения городов Хиросимы и Нагасаки оставалось менее семи лет.

Ирен была потрясена развязыванием новой бойни. Она лучше многих знала, что немцы владели к тому времени ядерными секретами. Кроме того, нападение на Польшу — родину Мари Кюри, где у семьи было много родственников, глубоко ранило Ирен. К тому же она волновалась за Фредерика, который стал активным участником Сопротивления, хранил и готовил оружие для партизан во время

Ирен и Фредерик Жолио-Кюри с детьми

нацистской оккупации, подвергая себя смертельной опасности. В 1944 году супруги решают, что Ирен надо выехать с детьми в Швейцарию, чтобы оградить Фредерика от страха за возможные репрессии немцев против его семьи.

Но уже в 1945 году, когда Фредерик Жолио-Кюри был назначен Верховным комиссаром по атомной энергии, Ирен, наряду с Френсисом Перрэнном и Пьером Оже, вошла в состав этого комиссариата. Весь научный опыт, все организаторские способности Ирен отдала новому делу. Ей были поручены вопросы обогащения сырья и геологическая разведка его запасов. Ирен заложила основы и разработала план создания большого центра ядерной физики в Орсе. Строительством этого центра она занималась до самой смерти.

1945 год вошел в историю не только как год Великой Победы над фашизмом. Первым применением новой энергии стало варварское уничтожение городов Хиросимы и

Нагасаки. Хладнокровно рассчитанное уничтожение сотен тысяч человеческих существ — какой позор для человечества!

Множество недалеких людей обвиняло в этой трагедии физиков. В 1947 году таким людям ответил Фредерик: «Двойственный характер науки — благотельный и разрушительный, в зависимости от того, какое ей дают применение, — рождает как надежду, так и тревогу. <...> Массовые уничтожения людей должны нас насторожить, вызвать оздоровляющую реакцию. Следует ли закрыть лаборатории, как предлагают некоторые, и ограничиться использованием уже имеющихся познаний? Поступи мы так, природа рано или поздно показала бы всю ошибочность подобного решения. Было бы безумием снова заковать Прометея. <...> Ученые не могут оставаться пассивными. Они справедливо считают, что нужно положить конец бесчестному обращению с наукой. Они не хотят быть сообщниками тех, кому дурная организация общества позволяет использовать результаты работы ученых для своих эгоистических и злых целей. <...>

Я убежден, что в конечном счете наше открытие принесет больше хорошего, чем дурного. <...>

Нужно построить такое общество, которое признает подлинную роль науки и в котором война станет не только невозможной, но и невообразимой. <...>

Наука не может быть моральной или аморальной».

Ирен и Фредерик Жолио-Кюри сделали выбор, связав свою работу с мирным использованием ядерной энергии. Оба предпочли разрушению Созидание.

В 1946 году Ирен стала директором Института радия, сыграв в этой должности большую роль в организации работы отделов химии и геологической разведки месторождений урановой руды.

Ее любили и уважали все сотрудники Института за простоту, точность суждений, жар, с которым она бралась за работу, необыкновенное мужество. Она почти всегда находилась в лаборатории, и любой человек, желавший встретиться с нею, легко попадал к ней. У порога ее кабинета не было цербера. Она никогда не назначала приемов и, если была занята, деликатно просила подождать. При этом никогда не забывала, что кто-то ее дожидается. Ее коллега и подруга Эжени Коттон однажды обратилась к Ирен как раз в тот мо-

мент, когда та направлялась в больницу на операцию (уже десять лет ее не отпускала болезнь). Ирен извинилась, что не может выслушать ее, но через четыре дня, едва оправившись, пригласила Эжени в Госпиталь Кюри. Голова ее была забинтована, но она весело описывала свое состояние и не забыла поинтересоваться, о чем Коттон хотела просить ее, когда она отправлялась на операцию.

Она не допускала, чтобы ее засасывали административные хлопоты или бесчисленные комитеты и заседания, на которых каждый профессор должен присутствовать; она всегда находила время для своей научно-исследовательской работы. Ирен с интересом изучала новые приборы, которых становилось все больше, могла спокойно подойти и без ложного стыда попросить: «Не могли бы вы научить меня пользоваться этим методом, поскольку вы знаете его лучше меня».

У Ирен было сильно развито чувство ответственности перед обществом и наукой, и она не колеблясь отставляла в сторону собственную исследовательскую работу, если речь шла о защите какого-либо дела, которое она считала справедливым. Ее любовь к справедливости не терпела никаких компромиссов, и она с такой убежденностью излагала свое мнение, что оно всегда побеждало. В 1947 году Франция была охвачена забастовками. Бастовали учителя, их поддерживали преподаватели высшей школы и сотрудники научно-исследовательских институтов и лабораторий. Однако оппортунисты призывали возобновить работу. Во время бурного собрания Ирен, тогда уже директор и комиссар, то есть чиновник высшего ранга, встала и заявила: «Поскольку учителя продолжают бороться, покинуть их было бы с нашей стороны подлостью». И собрание единодушно проголосовало за продолжение забастовки.

Ирен чувствовала себя в своей лаборатории абсолютно счастливой, и ей хотелось, чтобы и другие сотрудники тоже были счастливы и чувствовали себя так, будто все они члены одной семьи. Она принимала новых сотрудников с большой простотой и сердечностью и глубоко уважала самостоятельность каждого. Ирен, дочь Мари, была счастлива, что она как ученый, как профессор, как директор лаборатории продолжает дело своей матери.

Эжени Коттон всегда поражала ее верность своим польским корням, верность родине Мари Кюри. Еще в детстве она выучила польский язык и свободно говорила на нем.

Именно Ирен Кюри торжественно открыла в доме, где родилась Мария Склодовская-Кюри, музей. Ирен была человеком, олицетворявшим франко-польскую дружбу, и поэтому ее попросили занять пост председателя этой организации, чтобы несколько облегчить бремя многочисленных обязанностей ее мужа, Фредерика Жолио-Кюри, который был основателем и первым председателем этого общества.

Ирен старается продолжать и общественную деятельность Мари Кюри. Как и мать, она была убеждена, что современное общество несправедливо к женщине, что женщины не занимают в нем того места, которое должно принадлежать им по праву. Мари говорила: «Если есть справедливое дело, его надо выполнить, даже когда у вас имеется тысяча причин, мешающих это сделать». Ирен, дочь Мари, придерживалась такого же мнения. Она никогда не отказывалась от высоких постов — не отказывалась принципиально, считая своей обязанностью всюду работать хорошо, чтобы доказать, на что способны женщины.

После Хиросимы и Нагасаки во главе движения сторонников мира стал Фредерик Жолио-Кюри. Использование атомной и ядерной энергии в военных целях возмущало супругов Жолио-Кюри по множеству причин: это бесчестье для страны, допустившей применение такой мощной силы для уничтожения людей; это бесчестье и для науки, наносящее вред ее развитию. Со своей обычной энергией Ирен добивалась в 1948 году на Вроцлавском Всемирном конгрессе в защиту мира принятия специальной резолюции о необходимости свободы информации по любым вопросам в любых научных открытиях. Именно вроцлавские встречи заложили основу Всемирного движения сторонников мира, возникшего несколько месяцев спустя, весной 1949 года. Супруги Жолио-Кюри принимали в нем самое активное участие.

В 1952 году Ирен заявила: «То, что справедливо для науки, справедливо и для всего остального. Угроза нависла над всей областью культурного обмена. Она подрывает влияние Франции за границей, равным образом она угрожает и французской культуре, которая не может развиваться без влияния культур других народов и без возможностей самой оказывать благотворное влияние за рубежом. Культурные связи являются элементом мира, вне зависимости от того, касаются ли они науч-

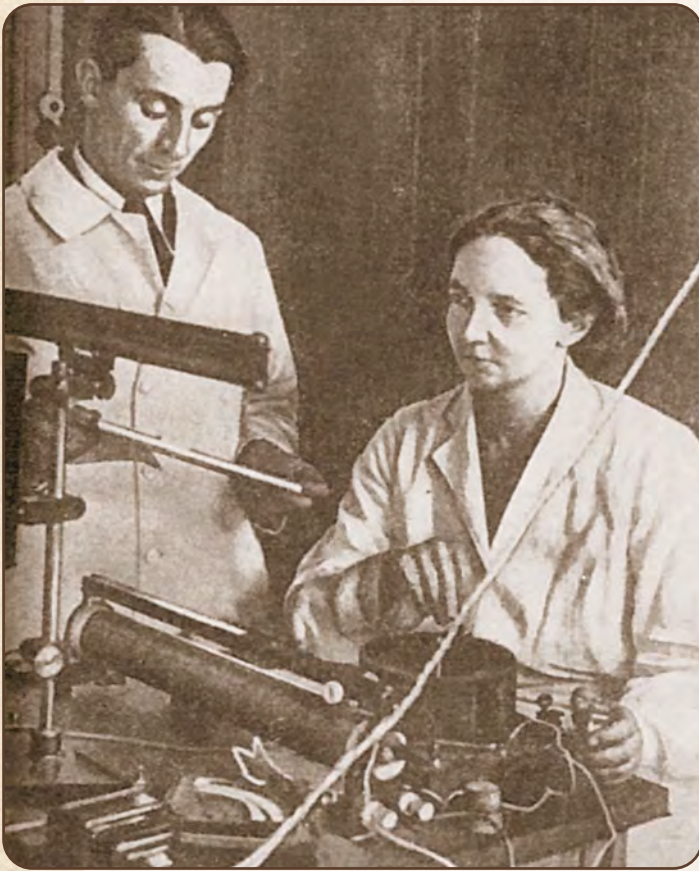
Институт радия в Париже

ных вопросов или других сторон человеческой деятельности». Именно в разрушенном Вроцлаве Ирен поняла, что мир можно сохранить, лишь объединив усилия всех людей доброй воли, независимо от того, каким трудом они занимаются.

У правительства, допускавшего, что государственные интересы могут толкнуть Францию на расширение подготовки к ядерной войне, твердая антивоенная позиция двух виднейших руководителей Комиссариата по атомной энергии вызвала сильную тревогу. Фредерик, неоднократно подчеркивавший, что при любых обстоятельствах будет работать только на благо мира, заявил, что никогда не станет помогать созданию атомных бомб для нападения на Советский Союз.

Но с 1947 года в международных отношениях произошел перелом, и западные союзники стали с опаской взирать на Советский Союз. В 1950 году Фредерик был снят с высокого поста руководителя Комиссариата по атомной энергии. Несколько месяцев спустя и Ирен не утвердили на очередной срок в должности комиссара.

Ирен и Фредерик Жолио-Кюри в лаборатории

Жолио понимал, что придется уйти и с поста президента Всемирного совета мира. Он не мог поступиться убеждениями ученого. В разговоре с И. Эренбургом он прямо сказал: «Поймите — это дело моей совести! Политика — высокая человеческая функция. Но у некоторых людей, у которых, увы, большая власть, нет ни моральных тормозов, ни элементарных познаний; они воображают, что освобождение атомной энергии — очередное изобретение, нечто вроде парового двигателя или мотора внутреннего сгорания. <...>

ОСТОРОЖНО! СИЛЫ, ОСВОБОЖДЕННЫЕ ЧЕЛОВЕКОМ, ОГРОМНЫ!»

Настойчивость и мужество Фредерика и Ирен Жолио-Кюри помогли убедить миллионы людей в том, что война в современном мире невысказана, она неизбежно ведет к катаклизму, перед которым меркнут самые страшные природные бедствия, катаклизму, способному уничтожить миллиарды человеческих жизней и богатства, накопленные многовековой цивилизацией.

8 марта 1951 года на митинге, посвященном Международному женскому дню, в присутствии 30 тысяч женщин Ирен говорила:

«...У народов земного шара нет иного будущего, как жить в условиях мира, настоящего мира, без всякой гонки вооружений. Если все усилия человечества будут обращены на мирные дела, перед ним откроются чудесные перспективы, и познание секретов Природы позволит, без сомнения, быстро покончить с голодом, болезнями и необходимостью вести ожесточенную борьбу за средства существования, что казалось неотделимым от человеческих судеб».

В интервью журналу «Фам франсэз» в апреле 1954 года Ирен снова и снова предупреждает об опасности: «Вследствие радиоактивного излучения, возникающего после ядерного взрыва, отдельные виды полезных растений или животных могут совершенно исчезнуть. Еще раз повторяю: невозможно полностью оценить опасность проводимых ядерных испытаний. Надо предостеречь все человечество. Надо добиться торжественного обещания всех государств запретить атомное оружие».

Великая мечта Ирен и Фредерика Жолио-Кюри частично сбылась в 1963 году, когда Московский договор положил конец заражению атмосферы нашей планеты радиоактивностью в результате прекращения испытаний ядерного оружия в атмосфере, космическом пространстве и под водой.

БЕССМЕРТИЕ

Осмысленно жить и творить можно только во имя Эволюции. Цели другой нет на Земле. Все, кто был способен мыслить сверхлично, жили великой идеей о будущем. В будущее вкладывали все и к будущему людей устремляли, совершенно не считаясь с тем, что настоящее было столь неслышанно далеко от него. По этим знакам устремленности в будущее узнаете Служителей эволюции во всех веках и у всех Народов.

Б.Н. Абрамов

Двадцатый век перевалил через середину. Полная самоотдача, постоянные физические и психические перегрузки, опасные условия работы подорвали силы Ирен. Внешне она не подавала виду и говорила только, что приходится теперь работать с оглядкой на свои физические возможности. Ирен перенесла операцию, кото-

рая сильно встревожила ее мужа и друзей, потом тяжело заболел Фредерик. Ухудшение здоровья обоих супругов было частично связано с переживаниями, выпавшими на их долю в 1950–1951 годах. Причины этих переживаний — в непосильной борьбе, начатой учеными, когда над самим существованием Земли нависла угроза гибели в ядерной войне. Никто не слышал от супругов Жолио-Кюри жалоб на несправедливые действия невежественного правительства. Они продолжали готовить в своих лабораториях новых ученых в области атомной энергии. Но если их моральная стойкость осталась прежней, со здоровьем дело обстояло иначе. «Я чувствую, что становлюсь лентяйкой», — говорила Ирен улыбаясь. Нет, это была не лень, просто Ирен постепенно теряла силы.

Вот как Анжелъ Помпэй описывает последние дни великого ученого, описывает скупыми словами, в стиле, свойственном самой Ирен Жолио-Кюри:

«Она не испытывала обычного благотворного влияния от пребывания в горах в начале 1956 года. Приехав в Париж, Ирен снова ложится в Госпиталь Кюри. Ее силы тают. Тело отказывается подчиняться настойчивой воле. Самые элементарные действия — дышать, есть — становятся для меня мучительными, — сказала она в одну из наших последних встреч. Со свойственной ей прозорливостью и храбростью она констатировала факты, не давая к ним комментариев.

17 марта 1956 года Ирен Жолио-Кюри перестала бороться».

Для Фредерика Жолио смерть Ирен была тяжелым ударом. Они прожили, проработали вместе тридцать лет. Они жили дружно, хотя были очень несхожими. В 1956 году Жолио приехал в Вену. Среди встречавших был его друг, писатель Илья Эренбург, который позже описал в романе «Люди. Годы. Жизнь» их последние встречи и воспроизвел слова Жолио: «Ирен умерла от той болезни, которую мы зовем профессиональной. Теперь мы стали осторожнее, а в тридцатые годы... — он помолчал и тихо добавил: — Все это нелегко...» Год спустя Эренбург был у него в Антони. «Он показал мне, — вспоминал Эренбург, — сад, изумительную стену вьющихся роз, последние тюльпаны и промолвил: Ирен очень хорошо подбирала цвета тюльпанов. Прошлой весной они зацвели, а ее уже не было...»

Фредерик пережил свою жену меньше чем на три года.

Элен, дочь Ирен и Фредерика, и ее муж Мишель, сын профессора Поля Ланжевена, посвятили себя ядерной физике...

Начался новый век и новое тысячелетие. Жизнь продолжается.

«Будем строить, будем бороться, не страшась ничего и зная о неизбежной победе Сил Света» (Е.И. Рерих, «У порога Нового Мира»).

ЛИТЕРАТУРА

- Жолио-Кюри Ирен.* Жизнь и открытия Марии Склодовской-Кюри // Вопросы естествознания и техники. 1957. №3. С. 39.
- Жолио-Кюри Ирен, Жолио-Кюри Ф.* О Марии и Пьере Кюри. В кн.: Мария Кюри и Пьер Кюри. Пер. с фр. М.П. Шаскольской. Под ред. и с послеслов. лауреата Нобелевской премии И.М. Франка. М., 1968.
- Кюри Ева.* Мари Кюри / Пер. с фр. Е.Ф. Корша. Под ред. и со вступит. ст. проф. В.В. Алпатова. Изд. 4-е. М., 1977.
- Коттон Э.* Семья Кюри и радиоактивность / Пер. с фр. Н.Е. Горфинкель и А.Н. Соколова. М., 1964.
- Лабериг-Фролова Ж.* Ирен Жолио-Кюри // Атомная энергия. 1962. Т. 13. Вып. 3. С. 265.
- Иоффе А.Ф.* Встречи с физиками. Мои воспоминания о зарубежных физиках. М., 1960.
- Жолио-Кюри Ф.* Великие открытия радиоактивности // Пансэ. 1957. Июль — авг.
- Эренбург И.Г.* Фредерик Жолио-Кюри. М., 1958.
- Эренбург И.Г.* Люди. Годы. Жизнь (Воспоминания в трех томах, изд. исправл. и дополн.). М., 1990. Т. 2. С. 45.
- Кедров Ф.* Цепная реакция идей. М., 1975. С. 100 — 166.
- От Президиума Академии наук СССР, некролог // Вестник АН СССР. 1956. Вып. 4. С. 73.
- Баранов В.И.* Памяти Ирен Жолио-Кюри // Вестник АН СССР. 1956. Вып. 5. С. 58.

А.И. Бандура

ФИЛОСОФИЯ ЭКСТАЗА

Мы завершаем публикацию статьи А.И. Бандуры «Философия экстаза»¹, где по-новому анализируется мировоззрение великого русского композитора-мистика, автора идеи светомузыки Александра Николаевича Скрябина. Впервые в скрябиниане автор статьи подробно характеризует все элементы философской системы композитора и выстраивает их иерархию. В результате 28 терминов скрябинской доктрины оказываются составляющими эволюционной лестницы — семи уровней-стадий развития Вселенной. Любая из них характеризуется четырьмя понятиями, относящимися к внутренним и внешним элементам и процессам, происходящим в Универсуме. Каждая более высокая стадия представляет очередной шаг к итогу эволюции: Вселенскому экстазу, растворяющему ограничения времени и пространства и освобождающему дух от власти материи.

По мнению автора, некоторые из этих понятий первоначально возникли у Скрябина в звуковой форме — в прелюдиях для фортепьяно, созданных в 1903 году, за год до начала работы над философскими текстами. Последние записи были сделаны в период 1904–1906 гг. и опубликованы после смерти композитора в альманахе «Русские пропилеи»², по которому и цитируются в данной статье.

¹ Начало см.: Культура и время, № 1—2. 2001.

² Записи А.Н. Скрябина // Русские пропилеи. Т. 6. М., 1919. С. 120–191.

ЧЕТВЕРТАЯ СТАДИЯ («Малое я» — Отрицание — «Не-я» — Пространство) — Четыре прелюдии Ор.33.

«МАЛОЕ Я»

Этим термином Скрябин называет индивидуальное сознание, включенное во время и пространство.

«Человек» есть мое индивидуальное сознание, объективированное; мир есть сумма всех других индивидуальностей, пребывающих во мне бессознательно. (163)

Индивидуальность есть отношение к другим индивидуальностям; она есть краска, явление одного и того же духа в форме времени и пространства. (173)

«Малое я», таким образом, является частью Единого сознания, одним из его состояний.

Орудия индивидуального единства: память, внимание. (161)

С точки зрения Единого сознания, «малое я» в некоторой степени иллюзорно — это и виртуальная частица, затерянная в массе аналогичных, и волна, «размытая» по всей Вселенной.

Ты бы удивился, когда бы сказал я тебе,

Что тебя еще нет,

Равно как и то, что тебя уже нет.

Ты обнял все собой — Понятия, Пространство, Время. (155)

Можно сказать, что вселенная представляется нам рядом состояний сознания + постоянное сознание о том, что все это я переживаю. Это «я переживаю» является единством индивидуального сознания. Само по себе я только сознает, что оно переживает, и в смысле времени и пространства есть абсолютное ничто. (167)

Индивидуальное сознание, таким образом, находится так же вне времени и пространства, как и окружающая его масса других индивидуальных сознаний, от которых оно «отделяется».

Среди множества состояний (ощущений) есть комплекс явлений, который я называю собой (я), все другое — не-я. Это тоже можно вывести из природы свободного творчества. Создать что-нибудь — значит ограничить одно другим. Творить — значит отделяться, значит желать нового, другого. Для этого необходимо то, от чего можно произойти (отделиться), — множество, не-я, — и то, что отделяется, — индивидуальность, я.

Итак, я хочу творить и этим хотением создать множество, множество во множестве и единое во множестве (не-я и я). (148)

Я — я и не-я.

Я — единое из множества, и множество без единого вне меня. (151)

Таким образом, «малое я» уподобляется центру, излучающему время и пространство таким же образом, как Единое сознание излучает вечность и бесконечность.

Постоянным элементом нашего индивидуально-го существа является не только тело, но и пространство. Переменными являются другие тела в этом вечно нас сопровождающем пространстве, которое есть непреходящая часть нашего существования, составляющая одно с ним. (174)

Не следует думать, что сознание «малого я» тождественно физическому существованию. Тело и связанное с ним личное сознание составляют более низкий уровень индивидуального сознания.

В этом моем сознании пребывают как окружающий мир, так и мое тело с головой, в которую оно включено. Пребывают они как сосуществующие явления. В этом сознании мне дана связь всех этих явлений, ближайшее из которых по отношению к моему сознанию есть моя голова. Но если я и тело должен сознавать, воспринимать наравне с внешним миром, то и оно для меня внешний предмет. (190)

Личное сознание есть иллюзия, происходящая, когда универсальное или индивидуальное сознание отождествляет себя с низшими принципами, с телом и со всем, что связано с ним, то есть орудием деятельности (тело есть орудие деятельности). (191)

Я ничего не знает, ни себя, ни другого.

Я знает только страдание и хочет освобождения. (150)

Прелюдия Ор.33 №1. Мягкие лирические фразы причудливо совмещают в себе печальное угасание и зарождающиеся порывы. Это наслаждение уютом ограниченности, сладостная греза о будущих свершениях.

«НЕ-Я»

Этим термином Скрябин обозначает все находящееся за пределами индивидуального сознания «малого я».

Откуда это ощущение не-я, которое так упорно живет во мне? Я так привык думать, что я изучаю мир, созданный прежде меня внешний мир... Я не сознавал, что я создал также и это чувство не-я... Это то чувство, которым я отношу часть (то, что называю представлениями) к назв. мною «внешнему миру». Чувством (представлением) не-я я создаю пространство. (135)

Создание феномена «не-я» — необходимое условие существования «малого я». Это тот фон, на котором возможно выделение индивидуальности; та среда, которая заполняет пространство между индивидуальным и Единым сознаниями.

Что-нибудь существует в процессе различения только относительно другого. Значит, создавая какое-нибудь представление, какое-нибудь я, я одновременно создаю не-я, его ограничивающее, и всю историю его. (136)

Мое не-я должно быть другим, нежели я; я ограничиваю Я через я и создаю не-я.

Не-я — не я в такой же степени (или несколько большей), как не-я — каждое чувство, которое я в настоящую минуту не испытываю. (149)

Не нужно забывать, что «не-я» есть тоже одно из состояний моего сознания — и та его часть, которую я связывается со вселенной. Итак, свою связь со вселенной человек находит в не-я, пребывающем в его сознании. (185)

Используя аналогию, Единое сознание можно сравнить с художником, «малое я» — с кистями и красками, а «не-я» — с чистым полотном, на котором будет «отпечатлеваться» творческая мысль.

Итак, необходимо не-я, чтобы Я в я могло творить. Я и не-я — форма деятельности. (149)

Прелюдия Ор.33 №2. Музыка, удивительно сходная с предыдущей прелюдией — это другое проявление «малого я», множество индивидуальных сознаний. Мягкие возвышенные фразы постоянно прерываются вопросительными паузами. Зарождающиеся порывы быстро угасают в «неразличимом множестве».

ОТРИЦАНИЕ

Этот диалектический термин Скрябин использует для обозначения энергии творчества.

Я создаю каждый миг, чтобы отрицать его в следующий. Я всегда протест, всегда желание нового, другого. Я вечное отрицание прошлого, я вечная любовь, вечный расцвет. (159)

Каждый следующий момент есть отрицание предыдущего. Отрицать что бы то ни было значит возвыситься над этим. Отрицание есть высота неудовлетворенности. Соединенное с хотением нового, неизведанного, оно уже есть творчество. (180)

Отрицание, таким образом, символизирует движение времени и эволюцию. Однако стрела времени может быть направлена и в противоположную сторону — сторону инволюции. В

этом случае также имеет место отрицание, но другого рода.

Активность сознания есть отрицание его состояний до настоящего включительно. «Новое» есть деятельное, активное отрицание. Пассивное отрицание есть уничтожение, умирание, переход в ничто. (180)

Прелюдия Ор.33 №3. Энергично стучащий всплеск аккордовых репетиций отделен небольшой паузой от решительной фразы, направленной в противоположную сторону. Ее завершает стремительно проносящийся пассаж — «разбуженная» энергия творчества. В дальнейшем первый («сердитый») элемент постепенно слабеет, а «отрицающий» его — творческий — набирает силу. Это едва ли не единственное изображение данного философского понятия в музыке.

ПРОСТРАНСТВО

Чаще всего Скрябин говорит о пространстве-времени как некоем целом, созданном творческой энергией Духа.

Дух, когда хочет, из абсолютного небытия становится абсолютным бытием... Его пробуждение и есть эволюция (образование) времени и пространства. (162)

Нужно понять, что создать пространство — значит создать каждый его момент со всем его прошлым и будущим. (135)

Пространство и время неотделимо от ощущения. Оно вместе с ощущениями есть тот же единый творческий акт. Пространства и времени нет вне ощущения. Нет пространства и времени готовых, предшествующих ощущениям, в которых они размещаются. Пространство и время создаются вместе с ощущениями, это все тот же единый творческий акт, то же различение. (147)

Различение составляющих мира — состояний сознания — являет собой сущность пространства. Отсюда ясно, что пространство у Скрябина — это не статика, а процесс.

Время и пространство суть формы созерцания, и размещение в них явлений есть анализ (синтез) творческий. (161)

Я создаю время различением ощущений и пространство различением в себе субъекта и объекта. Временем я создаю то, что мы называли до сих пор внутренним опытом, а пространством — внешний опыт. Я уничтожаю пространство и время, когда перестаю различать. (136)

Вообще нужно понять, что пространство и время суть формы, в которых каждый момент,

как и каждая точка, суть абсолютно замкнутые друг для друга состояния сознания как таковые, но доступные к слиянию между собой в акте синтеза. (180)

Деятельность сознания в форме пространства есть различение его состояний, сосуществующих. (177)

С одной стороны, для Скрябина очевидна ограниченность пространства, как порождения индивидуальности; с другой — он говорит о его непрерывной эволюции, о постепенном расширении объема и внутреннего содержания.

В пространстве и времени все конечно, ибо все ограничено. (148)

Время и пространство не суть вместительницы, исперва существующие, в которых свершается эволюция вселенной. Они сами эволюционируют, составляя с эволюцией вселенной одно. (183)

Прелюдия Ор.33 №4. Редкостный даже для Скрябина образ неуклонно растущего торжества. Грандиозные скачки октав сопровождения подобны семимильным шагам, все более и более раздвигающим границы пространства. Импульсивные экстатические порывы мелодии подобны танцу гигантов. Ощущение упоения свободой усиливает привычный для русской музыки, но нехарактерный для Скрябина размер 5/4.

ПЯТАЯ СТАДИЯ (Желание — Граница — Вибрация — Горизонт сознания) — Четыре прелюдии Ор.31.

ЖЕЛАНИЕ

Феномен, относящийся к той же группе «первичных импульсов творчества», что и чувство, отрицание, отделение, различение. Но это понятие (как и сходное с ним «томление») находится на более высокой — личностно-психологической стадии творчества; оно связано с деятельностью «малого я». В сущности, оно знаменует собой «жажду жизни» — материализацию индивидуального сознания в личности.

Приступим к анализу действительности. Рассматривая те из ее элементов, которые нам даны непосредственно, я утверждаю прежде всего мое хотение жить и то чувство и те мысли, которые я переживаю в настоящий момент. Это первое всего мне дано. (160)

Я жить хочу. В этом желании все. Прошедшее и будущее.

Этими словами, этим хотением решена судьба вселенной. (156)

Желание (томление) становится отправной точкой многих музыкальных миров Скрябина. С него начинается как «Поэма экстаза» (симфоническая и поэтическая), так и непосредственно предшествующая им «Оргастическая поэма», от которой сохранился лишь план.

Поэма Orgiaque

Тема — сладость мечты, окрыляющей дух, желанье творить, томленье, жажда неизведанного. (183)

Желание не только порождает творческую активность — оно эквивалентно самому творчеству (на уровне нераскрытого потенциала).

Неясны желанья во мне и смутны мечты. Я не знаю еще, что создать, но тем, что я желаю создать, я уже создаю. Желание создать есть создание. (138)

Возможность всего есть ничто (в смысле времени и пространства), есть творческая сила, свободная деятельность, хотение жить. (180)

Последним сочинением зрелого периода будут у Скрябина две пьесы Ор.57 с символическими названиями: «Желание» и «Ласка в танце». Первую из них — застывшую и томительную — с большим основанием можно назвать «Томление», учитывая, что

желание, пока оно не перешло в действие, — томительно и производит впечатление большой длительности. (161)

В «философских прелюдиях», напротив, образ желания дан в своем чистом виде.

Прелюдия Ор.31 №1. Редкий у Скрябина пример «бесконечной мелодии». Порывы, пронизывающие ее течение, не приводят к ясно очерченному результату и плавно смыкаются со следующей фразой. Ноктюрново-баркарольная фигурация сопровождения подобна океану Хаоса — манящему и обольстительному. Однако «желание», живущее в верхнем пласте фактуры, не сливается с ним, все время пытаюсь, напротив, подняться выше. Экстатические порывы гаснут, не успев реализоваться, но эта «возможность всего» наполняет музыку ощущением радости и свободы.

ГРАНИЦА

Необходимый элемент любой дифференциации, различения или отделения. Возникает сразу же после первого творческого порыва.

Первое усилие, первый порыв к освобождению есть первая ритмическая фигура времени, первая

жизнь, первое сознание, пронизавшее хаос и создавшее 2-ю степень (стадию), первую грань. (153)

Каждое явление есть ограничение его другим и существует только как ограничение.

Каждое ощущение отдельно есть ограничение. (150)

Поскольку каждое явление ограничено, то свои пределы имеет любой феномен, находящийся в пространстве-времени, в том числе и само время.

В истории вселенной есть грани, за которыми она вступает на новые и новые планы существования. (183)

Минутные пребывания на известных высотах служат гранями, создающими ритм жизни. (170)

Последней гранью в эволюции вселенной будет всеобщий экстаз, отделяющий бытие от небытия.

Абсолютное бытие не есть один момент, оно есть все бытие, оно есть всеобъемлющее, божественное сознание, которое, однако, во времени и пространстве будет последним моментом, последней гранью, будет моментом, излучающим вечность. (163)

Момент этот есть граница с бессознательным состоянием, в котором совершится отрицание отрицания и абсолютное бытие отождествится с небытием. (176)

Прелюдия Ор.33 №2. Титанические порывы все время наталкиваются на невидимую преграду и бессильно гаснут. Энергия постепенно слабеет — каждая последующая фраза звучит на более низком уровне. Стремления как бы застывают перед непреодолимыми границами.

ВИБРАЦИЯ

Это основной материал «кирпичиков мироздания» — состояний сознания. Его характеристике композитор посвятил единственный озаглавленный раздел философских записей: «Объяснение вибрации», хотя о самой вибрации здесь говорится немного.

Вещи разнятся подъемом деятельности, так сказать, количеством вибраций в единицу времени.

Каждое из состояний сознания есть предельная точка в вибрационном движении. Вибрация есть связь состояний сознания и есть единственный материал. Их кажущееся колебание дает нам схему противоположностей и их тождества в вибрации. (181)

В сущности, композитор рассматривает вселенную-сознание как спектр частот, лишь часть из которых воспринимается человеком. Разграничение этих энергетических полей

проходит автоматически, по принципу резонанса, заключающего близкие по частоте вибрации в отдельную «сферу ощущений».

В вибрационном движении предельные точки каждого колебания суть моменты и могут быть восприняты только как границы колебательного движения. Сами по себе, будучи моментами, они восприняты быть не могут — этим и объясняется то обстоятельство, что каждое из состояний сознания существует только в системе отношений и вне ее немислимо.

Различение в вибрации предельных точек каждого колебания содержит в себе идею времени и пространства. (182)

Прелюдия Ор.31 №3. Стремительный безостановочный бег фигураций символизирует «неразличимость вибрационных границ». Несколько отдельных дрожащих сполохов в конце аналогичны выделенным из потока состояниям сознания.

ГОРИЗОНТ СОЗНАНИЯ

Так как сознание, по Скрябину, — замкнутая сфера, то граница этой сферы аналогична экрану. Давая возможность увидеть материальные феномены определенной вибрационной частоты, он, в то же время, как ширма, скрывает от наблюдателя все остальное — выходящее за пределы спектра «настройки сознания».

Нельзя выйти из сферы сознания. Нельзя ничего ни утверждать, ни предполагать вне сферы сознания. (159)

Состояния сознания сосуществуют. Иметь одно я могу только рядом с другим, и не только рядом с окружающими его, но со всеми возможными, которые заключены в каждой психике как возможность, как бессознательный процесс, свершающийся вне горизонта сознания. В этом смысле в каждом человеке заключена вселенная, как процесс вне горизонта сознания. (157)

Вселенная для меня идея, часть ее находится в поле моего сознания, есть предмет опыта.

Вселенная есть бессознательный процесс. Воспринимаемое мною есть часть его, освещенная моим сознанием. (187)

Прелюдия Ор.31 №4. Цепь медленно плывущих аккордов постоянно прерывается «удивленной» остановкой. Эти красочные модуляции символизируют все новые и новые уровни просветления — неожиданно открывающиеся горизонты других миров.

Последние две стадии являются слишком глобальными и всеобъемлющими, и любое входящее в них понятие не может быть описано одним музыкальным произведением. Иллюстрации конечных этапов бытия вселенной посвящены заключительные разделы «Божественной поэмы», «Поэмы экстаза» и «Прометея».

ШЕСТАЯ СТАДИЯ (Будущее — Творчество — Вселенная — Бытие).

БУДУЩЕЕ

Это понятие у Скрябина неразрывно связано с творческим процессом, поскольку стремление в будущее определяет его сущность. Более того, все музыкальные произведения приходят из будущего, где существуют в законченном виде, как «излучения вечности». Этим обстоятельством, возможно, объясняется принцип ясновидения «через музыку»: в процессе создания новых звуковых миров композитор вполне мог ощутить обратный ход времени и уловить содержание событий будущего.

ТВОРЧЕСТВО

Для композитора это самая существенная часть вселенной, объясняющая смысл его жизни и деятельности. Истоки творчества загадочны и таинственны — это единственное понятие, которое Скрябин изначально признает непознаваемым.

Творчество не может быть объяснено ничем. Оно есть высшее представление (понятие), ибо оно производит все понятия. (136)

Тем не менее Скрябин не ограничивается этим агностическим выводом. Из дальнейших его рассуждений ясно, что творчество как философское понятие намного шире «обычного» создания произведений искусства. Работа композитора — лишь скромная модель процесса «вселенского творчества», создания мира.

Я (как явление) родился и начинаю повторять бессознательно ту же ритмическую фигуру, которую повторили все мои предки. Я создаю мир, как они его создали, не ведая о своем творчестве и думая, что я воспринимаю что-нибудь вне меня существующее. Для каждого мир был таким, каким он (каждый) его желал (бессознательно). С течением веков сознание людей росло и постепенно возвышало личность, освобождая ее. Недавно человек сознал себя творцом всего того, что он называл своими ощущениями, восприятиями, явлениями. То, что он считал вне себя, оказалось в его сознании и лишь в нем. (175)

Мир есть результат моей деятельности, моего творчества, моего хотения (свободного). (133)

Как, неужели вся скорбь, все радости, все великое и возвышенное, неужели это все только обман, только фантазия? Не бойся, я утешу тебя. Все это существует, все есть, что ты хочешь, и только потому, что ты хочешь, потому что ты создал все это силою твоего желанья. Разве все это исчезнет, если ты сознаешь свою силу и свою свободу? Ты хочешь летать, — лети, как хочешь и куда хочешь, вокруг Тебя пустота! (154)

Создать что-нибудь — значит создать все. (158)

Последняя скрябинская мысль весьма близка положению учения Шри Ауробиндо, согласно которому в информационном поле Вселенной существуют образы всех вещей и даже мыслей прошлого и будущего. Создание действительно новой, пусть даже самой незначительной и миниатюрной мысли сразу уподобляет человека творцу Вселенной.

В создании чего-то нового и состоит, по Скрябину, сущность творчества.

Постараюсь изобразить в общих чертах процесс свободного творчества. Принцип его: хотение нового. (161)

Я хочу нового, неизведанного. Я хочу творить. Я хочу свободно творить. Хочу сознательно творить. Я хочу быть на вершине. Я хочу пленять своим творчеством, своей дивной красотой. (139)

Создать что-нибудь — значит ограничить одно другим. Творить — значит отделяться, значит желать нового, другого. (148)

И это вечное стремление к свободе создает (создало) миры. (140)

Творческий процесс композитор связывает, естественно, с деятельностью сознания — самой универсальной составляющей его универсума.

Мысль есть единственный материал творчества. (171)

История сознания есть творческий процесс, последний экстаз есть его завершение, после которого по тому же закону различения я вернусь к абсолютному небытию. (163)

Творчество есть различение. Создавать что-нибудь — значит ограничить одно другим. Создавать можно только множество. Пространство и время суть формы творчества, ощущения — его содержание.

Мы можем утверждать только деятельность (нашего сознания), которая производит (творит) мир.

Мы можем утверждать только творчество единое, абсолютное и потому свободное.

Познать мир — значит познать природу свободного творчества. (147)

В сущности, результатом «творчества сознания» является не только весь окружающий мир, но и сама творящая индивидуальность.

Все есть мое творчество. Но и само оно существует только в своих творениях, оно совершенно тождественно с ними. Я ничто. Я только то, что я создаю. (136)

Гениям свойственно отождествлять свое физическое бытие с главной целью существования, но у Скрябина это качество присутствует в гипертрофированном виде.

Жизнь есть вечно другое, вечно новое. Значит, процесс жизни (творческой) имеет три фазы: 1) переживание чего-нибудь, как точка отправления; 2) недовольство переживаемым, жажда новых переживаний и стремление к достижению цели: это и составляет сущность творчества; 3) достижение идеала и новое переживание. (169)

«Недовольство переживаемым» в настоящий момент обликом мира вызвало у Скрябина страстную мечту о его пересоздании, осуществить которую он счел возможным тем методом, которым владел в совершенстве, — искусством. Ежесекундное «бессознательное» воспроизводство привычной реальности он предлагает заменить «сознательным творчеством», которое называет «Божественной игрой».

Я всех и все укреплю в борьбе, всем и всему подарю полный расцвет. Тогда я познаю Вас, познаю себя, тогда я буду создавать вас, создавать себя, ибо я ничто, я только то, что я создаю. И будет наша игра радостной, свободной, Божественной игрой. Вы будете во мне свободны и божественны, я буду Вашим Богом. Вы будете мной, ибо я Вас создал, а я — вы... Вы будете Боги... (152)

ВСЕЛЕННАЯ

Скрябин использует это слово очень часто, что побудило некоторых зарубежных исследователей, незнакомых с исторической динамикой русского языка, назвать композитора «первым космонавтом в музыке». Действительно, у автора «Прометея» встречаются «астрономические» высказывания: «Междупланетное пространство — вот символ высшей грандиозности и высшей утонченности». Но свести многомерную панораму тонких миров, открытую взору мистика, к обычному Космосу, наполненному физическими излучениями и космической пылью с редкими островками звездных скоплений, — значит заведомо обеднить и

упростить истинную картину скрябинского Универсума. К сожалению, композитор крайне редко описывает визуальный облик своей Вселенной.

Действительность представляется мне множеством в бесконечности пространства и времени; причем мое переживание есть центр этого шара бесконечно большого радиуса. (164)

В своих первоначальных рассуждениях Скрябин подчеркивает иллюзорность пространственно-временных феноменов (которые и являются Вселенной).

Процесс есть множество.

Процесс возможен только как вселенная. (186)

Вообще понятия «существование», «сущность», совершенно не выражают того, что представляет из себя мир. Мир (время и пространство) есть процесс моего творчества, причем слово процесс (как понятие временное) тоже не выражает того, что нужно. Мир — мое творчество, которое есть только мир. Одно — относительно другого и больше ничего. Ничто не существует, ничто не создается, ничто не осуществляется: все игра. И эта игра — высшая реальнейшая реальность. (137)

Как видно из последних слов, эта иллюзия становится явью лишь с определенной точки зрения — точки зрения «малого я».

Вселенная вообще есть внутренний творческий процесс (по отношению к творящему началу). (169)

Мир — множество моих взлетов, моих ласк. Вы, чувства, терзания, сомнения, религия, искусство, наука, вся история вселенной, вы — крылья, на которых я взлетел на эту высоту. Но вы не более как крылья, вы мое возбуждение, моя ласка, игра моего каприза. (143)

Материал Вселенной Скрябин, разумеется, соотносит с «состояниями сознания», управляющая роль принадлежит чувствам.

Материал, из которого построено мир, есть творческая мысль, творческое воображение. (168)

Материал мира — любовь и мечта. (181)

Я утверждаю мир (вселенную) как ряд состояний моего сознания, моей деятельности (творчества). (160)

Я познаю мир как ряд состояний моего сознания, из сферы которого не могу выйти. (176, 184)

Мир есть процесс, совершающийся во времени, которое само есть различение состояний сознания. (180)

Так как я не могу выйти из сферы моего, включенного в мой мозг, сознания, то весь воспринимаемый мною мир может быть творческой деятельностью этого сознания. (190)

Итак, мир есть активность моего сознания. (177)

Момент создания Вселенной (находящийся в вечности и присутствующий поэтому в каждом мгновении) композитор соотносит с творческим актом.

Итак, все, весь чувственный мир есть творческий акт. Он есть мой творческий акт, единный, свободный, мое хотение. (147)

Этот творческий акт включает в себя четыре этапа.

Итак, в моем сознании свершаются следующие акты синтеза его состояний: одну группу состояний я связываю в представление моей личности, другую — в представление моей индивидуальности, третью — в представление не-я и в четвертой соединяю я и не-я, то есть связываю все состояния моего сознания в один мир, одну вселенную. (187)

Однако «творчество Вселенной» очень редко является сознательным. Ее обычное бытие поддерживается «психическим излучением» подавляющего большинства населяющих Землю людей, в подсознании которых закодирован только один, жестко фиксированный облик мира.

Я не могу пережить что-нибудь сознательно, если я в то же время не переживаю всего остального бессознательно. Этой бессознательной стороной своего творчества я участвую во всем. Вселенная есть бессознательный процесс моего творчества. (163)

Я уже много раз создавал тебя, мир (сколько было живых существ), бессознательно. Теперь же я возвысился до сознательного творчества. Я создавал его, думая, что я изучаю. (174)

Последнее высказывание продиктовано, видимо, мистическим опытом — моментом слияния композитора с Единым сознанием, в котором заключена творческая энергия всех «живых существ».

Я центр вселенной и вселенная около центра.

Единое — центр вселенной и множество — вселенная. (151)

В результате Скрябин приходит к выводу, что «сознательное творчество» доступно лишь Единому сознанию или отождествившемуся с ним мистиком. Судя по его высказываниям, это Единое сознание, пребывая в вечности, не управляет процессами физического Универсума, который представляет собой его грандиозный сон.

Мир есть ряд состояний одного и того же универсального сознания. (186)

БЫТИЕ

Этим глобальным понятием Скрябин пользуется нечасто, так как оно означает у него рубежные пункты становления его Вселенной — ее начало и конец. Начало существования композитор рассматривает как естественный процесс.

Бытие есть отношение к небытию, его противоположность. (173)

Бытие в целом хочет быть, ибо нет и не может быть иной причины для его бытия. Бытие любит быть. Бытие — воля к жизни. Творческое начало — воля к жизни. (169)

Это хотение жизни вообще объективируется в бытии в целом. Абсолютное небытие становится абсолютным бытием. Дух, когда хочет, из абсолютного небытия становится абсолютным бытием... Пробудившийся дух становится деятельностью. Бытие в целом не есть что-нибудь отличное от хотения жизни вообще, оно и есть само это хотение, объективированное. Хотение есть внутренняя сторона бытия. (162)

Бытие, как и все у Скрябина, имеет внутреннюю и внешнюю стороны, воспринимаемые разными уровнями сознания.

Итак, бытие для меня есть, с одной стороны, мое переживание, а с другой — внешний этому переживанию мир (в том числе мое тело). Из этих двух слагаемых, которые производит (и то и другое) творческий дух, одно всегда зависит всецело от другого. (172)

Мир дан мне как действительное, в идеальном смысле, единство (бытие в целом) — и как действительное множество (индивидуальное бытие). (168–169)

Завершение мирового существования композитор называет абсолютным бытием — неким предельным его состоянием.

Абсолютное бытие, как противное абсолютному небытию, есть бытие в целом, и, как таковое, оно осуществляется (существует) в тот момент, который явится излучающим мир, в тот момент, который осветит все прошлое, то есть создаст все прошлое, в момент завершения божественного творчества, в момент экстаза. (163)

Абсолютное бытие есть осуществление идеи Бога.

Абсолютное бытие есть момент-вечность. (164)

СЕДЬМАЯ СТАДИЯ («Большое Я» — Экстаз — Бог — Расцвет).

«БОЛЬШОЕ Я»

Понятия «Дух», «Большое Я», «Единое сознание» и «Универсальное сознание» у Скряби-

на практически тождественны. Это местопребывание творящего начала, которое, спускаясь на уровень проявления, создает индивидуальность, а на уровне пространства-времени — личность. Отождествление с «Большим Я» — главная цель мистических взлетов.

Я хочу быть Богом. Я хочу победить себя. Я хочу вернуться к себе. Творить землю и планетные системы звезд (космос). Первое познание — первый шаг на пути моего возвращения... Мир ищет Бога — я ищу себя, мир — порыв к Богу, я — порыв к себе. Я — мир, я — искание Бога, ибо я только то, что я ищу. (154)

Я хочу быть самым ярким светом, самым большим (одним) солнцем, я хочу озарять (вселенную) своим светом, я хочу поглотить все, включить (все) в свою индивидуальность. Я хочу подарить (миру) наслаждение, я хочу взять (мир, как женщину). Мне нужен мир. (139)

Соотношение между «малым я» и «Большим Я» объясняет принудительность времени и пространства для помещенной в них личности.

Во времени и пространстве я подлежу законам времени и пространства. Законы же времени и пространства — создания моего Я.

Я хочу того, что у меня нет, я хочу создавать. Окружающая обстановка для меня, как звено родовой цепи, является привычкой. Мне кажется, что происходит не то, что я хочу, только потому, что я имею в виду мое маленькое я, которое должно подчиняться законам времени и пространства — созданиям моего большого Я. (175)

Постепенно Скрябин приходит к выводу, что «Большое Я» соотносится с его индивидуальностью в такой же степени, как и со всеми другими людьми. Это единый общечеловеческий Дух, к постижению которого, однако, стремятся не все.

Некоторые философы смешивают индивидуальность с духом. Изучая индивидуальность, то есть, например, способность поступать так или иначе при известных обстоятельствах, они думают, что изучают способности душ, которые различны по своей сущности. Они забывают, что индивидуальность есть отношение к другим индивидуальностям; она есть краска, явление одного и того же духа в форме времени и пространства. Сущность духа, воли, жизни у всех и у всего, безусловно, одна и та же, ибо различное всегда есть явление, тогда как дух есть, безусловно, нечто вне времени и пространства. Это сущность творческая, это хотение деятельности и покоя, вечной смены, производящей равновесие, гармонию, справедливость. (173)

Динамика «жизни» Духа состоит в чередовании покоя, творчества и экстаза, переходящего в покой.

Дух должен исчерпать свою творческую способность (сопротивление), то есть опьяниться своим творчеством, прежде чем вернуться к состоянию покоя.

Дух хочет абсолютного бытия, экстаза. (162)

ЭКСТАЗ

Центральное понятие не только философии, но и жизни композитора. Многие мистики обозначали этим словом выход в измененные состояния сознания, созерцание иных миров, отождествление с Абсолютом. Все это присутствует и у Скрябина, но для него это еще и фундаментальный космогонический принцип «творчества мира», начало и конец мирового существования.

В форме мышления экстаз есть высший синтез. В форме чувства экстаз есть высшее блаженство. В форме пространства экстаз есть высший расцвет и уничтожение. Вообще экстаз есть вершина, есть последний момент, который как явление существует только наряду с другими явлениями и разумеет всю историю человечества.

Время и пространство есть объективирование этого стремления. Глубокая вечность и бесконечное пространство есть построение вокруг божественного экстаза, есть его излучение. (163)

Скрябин, переживавший экстаз при завершении многих своих музыкальных произведений, признает существование и других его видов — не приводящих к завершению истории.

Подняв вас, легионы чувств, чистые деятельности, мои дети, я поднимаю тебя, мое сложное единое чувство, всех вас охватывающее, моя единая деятельность, мой единый экстаз, блаженство, мой последний момент. (153)

Экстаз есть высший подъем деятельности, экстаз есть вершина. (162)

Подъем творческий приводит нас в область экстаза — вне времени и пространства. (161)

В сущности, Скрябин отождествляет создание физической Вселенной и сотворение очередного музыкального мира — «вселенной в миниатюре». Завершение творческого процесса далеко не всегда означает дописывание последнего такта. Это, чаще, полное осознание структуры произведения во времени и пространстве, которое вызывает ощущение целостности. Именно в этом состоянии появляется возможность «увидеть» его свернутым в одном мгновении.

Последний момент — абсолютная дифференциация и абсолютное единство — экстаз. История — стремление к абсолютной дифференциации и к абсолютному единству, то есть стремление к абсолютной оригинальности и абсолютной простоте. (181)

«Освободившись» от музыкального образа, подарив ему самостоятельное существование, композитор, естественно, испытывает чувство опустошенности — также одно из следствий экстаза.

Бытие в целом, то есть вся история вселенной, может быть рассматриваема как стремление к абсолютному бытию, то есть к экстазу, граничащему с небытием и представляющему, так сказать, потерю сознания, то есть возвращение к небытию... (170)

БОГ

Центральное понятие любой религии Скрябин склонен отождествлять со «Всеобъемлющим сознанием», заключающим в себе мир явлений. Поиск новых вариантов мироздания подразумевает отрицание ныне существующего и, следовательно, поддерживающего его типа сознания.

Гений — вечное отрицание (Бога) себя в прошлом. Гений — жажда нового. История человечества (вселенной) есть история гениев. Со временем все более развивается индивидуальность, и ритмическая фигура заканчивается всеобъемлющей индивидуальностью — Богом. (143)

Бог, которому нужно поклонение, — не Бог. (145)

Бог — единое всеобъемлющее сознание — свободное творчество. (175)

Представления Скрябина о Боге (в дальнейшем он будет предпочитать термин «Единый») достаточно близки христианскому антропоморфизму. Существенное отличие состоит в том, что он заменяет богочеловека человеком. Центральный для религии акт жертвы (для композитора это — «отпечатление на материи», «ограничение») становится у него лишь началом творчества, которое и составляет задачу Бога. Человек, совершенствуя свое творчество, постепенно приближается к божественному уровню и в конце концов выполняет работу Бога — теургию. В этот момент и происходит обожествление человека.

Универсальное сознание, как таковое, ничего не переживает; оно есть сама жизнь, оно ничего не мыслит, оно сама мысль, оно ничего не делает, оно сама деятельность.

Бог, как состояние сознания, есть личность, являющаяся носителем этого высшего принципа, который, как таковой, есть ничто и возможность всего, есть сила творчества. История вселенной есть эволюция Бога, стремление к экстазу.

Универсальное сознание в состоянии деятельности является личностью, единым громадным организмом, который в каждый данный момент переживает новую стадию процесса, называемого эволюцией. (В основе же лежит желание абсолютного блаженства. Жизнь есть подъем.) Как личность не ощущает постоянно всю себя, например человек не чувствует в каждый данный момент всех точек своего тела и еще менее всех доступных для него в будущем и пережитых ранее отношений, но, наоборот, отчетливо воспринимает или правильно сознает одно какое-нибудь переживание, так и Бог-личность в процессе эволюции отчетливо воспринимает переживаемую им в данный момент стадию эволюции и не чувствует всех точек своего организма — вселенной. Когда он достигнет предела высоты подъема, а время это приближается, то он сообщит свое блаженство всему организму. Как человек во время полового акта в минуту экстаза теряет сознание и весь его организм во всех точках переживает блаженство, так и Бог-человек, переживая экстаз, наполнит вселенную блаженством и зажжет пожар.

Человек-Бог является носителем универсального сознания. (189)

РАСЦВЕТ

Последнее из понятий скрябинской философской конструкции символизирует всеобщий, вселенский, последний экстаз.

Последняя цель — абсолютное бытие — есть обший расцвет. Это последний момент, в который свершится божественный синтез.

Высший же синтез есть тот божественный синтез, который в последний момент бытия включает в себя вселенную и даст ей пережить гармонический расцвет (экстаз) и таким образом вернет ее к состоянию покоя, небытию. Такой синтез может быть свершен только человеческим сознанием, высшей индивидуальностью, которая явится центральным мировым сознанием, освободит дух от оков прошлого и увлечет в свой божественный творческий полет все живущее. Я говорю о последнем экстазе, который уже близко. (171)